

МЕТАМОРФОЗЫ ЭТНИЧНОСТИ В ЖИЗНЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО МЕГАПОЛИСА*

На междисциплинарной основе рассматриваются проблемы развития социокультурной среды современного мегаполиса, особенности инкорпорации мигрантов в жизненное пространство мегаполиса, статус, границы. Трансформация этничности определяется как особая форма существования этноса. Определяется соотношение этничности и городской идентичности. Доказывается, что для мегаполиса характерно преобладание этничности не явно выраженной, а ситуативной, фрагментарной, диффузной, презентационной, что осложняет адаптацию мигрантов, являющихся носителями традиционной этничности.

Ключевые слова:

адаптация, городская идентичность, городская среда, миграционный антропоток, пространство мегаполиса, этничность.

Набок И.Л., Малышева Е.В. Метаморфозы этничности в жизненном пространстве современного мегаполиса // Общество. Среда. Развитие. – 2016, № 4. – С. 90–94.

© Набок Игорь Леонтьевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой этнокультурологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена; Санкт-Петербург; e-mail: inabok@narod.ru

© Малышева Елена Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена; Санкт-Петербург; e-mail: inabok@narod.ru

Мегаполис сегодня, безусловно, является одной из центральных тем обсуждения в социогуманитарных науках. Этот феномен стал объектом теоретической рефлексии социологов, психологов, политологов, филологов, антропологов, этнологов, культурологов, антропологов, конфликтологов, миграциологов. Причём представители каждой из отраслей социо-гуманитарного знания находят здесь свои остроактуальные аспекты для исследования, так как именно мегаполис, его настоящее и будущее оказывается средоточием основных, узловых проблем физической, социальной, духовной жизни человечества, неудержимо, но всё менее уверенно идущего по пути глобализации, развития научно-технического прогресса и... противопоставления себя природе.

Уже во второй половине XX века стало очевидно, что процесс урбанизации приобретает «взрывной» характер. По некоторым данным, ещё в 1950-х годах две трети населения мира составляли сельские жители, но, по прогнозам, к 2025 г. две трети

населения мира будут жить в городах. В начале XXI века в городах проживают уже 3,3 млрд человек.

Согласно данным Росстата от 8 августа 2016 г. «Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2016 года», в России насчитывается 15 городов-мегаполисов, т.е. городов с численностью постоянного населения в миллион и более человек, среди которых самые крупные – Москва (12 330 126 чел.), Санкт-Петербург (5 191 690 чел.) и Новосибирск (1 584 138 чел.). Одной из самых острых проблем российских мегаполисов, прежде всего Москвы и Санкт-Петербурга, стала проблема миграционных антропоток из ближнего зарубежья, в частности, бывших республик Советского Союза.

Не касаясь здесь статистики, отметим, что приток мигрантов не только вносит определённые изменения в жизнь мегаполиса, но позволяет выявить наиболее существенные особенности развития его жизненного пространства, культурной

* Исследование реализуется при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-06-00915.

среды, артосферы, межличностного и межгруппового коммунитета, семиосферы. Особое значение приобретает этнический фактор, связанный с включением в жизнь мегаполиса значительного числа представителей иноэтничного населения.

Именно здесь мы сталкиваемся с одной из самых актуальных и сложных проблем мегаполиса, связанной с характером и уровнем инкорпорации мигрантов в социокультурное и коммуникационное пространство мегаполиса, с особенностями и условиями действия адаптационных и интеграционных процессов. Актуальность данного исследования обусловлена не только социально-практическим смыслом указанных процессов, но и тем, что оно может способствовать уточнению и решению важнейшей теоретической проблемы, касающейся статуса, границ и особенностей функционирования *этничности* – одной из самых дискуссионных в современном социо-гуманитарном знании проблем.

Прежде всего отметим, что многочисленные дискуссии по поводу этноса, этнической идентичности показали несостоятельность претензии этнологии на теоретико-методологическую «монополию» в решении проблемы этничности. Подлинный смысл этого феномена может быть раскрыт только на основе междисциплинарного подхода – во взаимодействии этнологии с психологией, социологией, культурологией, политологией, лингвистикой, теорией коммуникации и, наконец, с философией, ракурс рефлексии которой связан с осмыслением категории «этническое» [15]. Недостатки «узкой» дисциплинарной специализации в гуманитарной и естественнонаучной сферах активно обсуждаются в зарубежной науке с 70-х годов XX века и связываются прежде всего с проблемой формирования целостной научной картины мира, сложности решения которой в образовании обусловлены дисциплинарной разобщённостью как внутри гуманитарного и естественнонаучного знания, так и между ними [14].

Междисциплинарность в широком смысле слова предполагает не только обмен идеями, но и интеграцию концепций, методологий, исследовательских процедур, понятийно-терминологического аппарата, организации исследовательской и образовательной деятельности и т.д. Здесь представляется достаточно адекватным термин «интердисциплинарность», наиболее убедительную трактовку которого применительно к обучению предложил Л. Мииф, рассматривающий его как обозначение сознательного применения методологии и

языка более одной дисциплины для изучения центральной темы, проблемы, события или опыта [17]. Следует подчеркнуть, что именно образование, требующее доведения научных формулировок до высокого уровня «объяснительности» является мощным стимулятором, который заставляет теоретиков делать научные дефиниции более ясными.

На наш взгляд, именно определённая методологическая «самоизоляция» этнологии, бдительно охраняющей свои предметные границы, привела к очевидной безрезультативности начавшейся было после выхода в свет фундаментальной работы В.А. Тишкова «Реквием по этносу» дискуссии о природе этноса. Отечественная этнологическая наука вступила в XXI век, так и не достигнув теоретического консенсуса в определении понятия «этнос», разделённая «методологически» на сторонников «примордиализма» (в его разных модификациях) и приверженцев «конструктивистской» концепции.

Примером «ухода» от упрощённо понимаемой «укоренённости» этноса может служить *информационная теория этноса* С.А. Арутюнова и Н.Н. Чебоксарова. Обосновывая и объясняя её, С.А. Арутюнов утверждает, что «в основе возникновения и самоподдержания этносов лежат ступки коммуникационных, информационных связей. Они же, несомненно, лежат и в основе создания других общественных группировок – религиозных, профессиональных, политических, спортивных, любительских и т. д. Однако все такие группировки основываются на ступках тематически выборочных инфосвязей, и только этнос базируется на лишенной всякой выборочности их всеобщей совокупности» [2, с. 8].

Этничность существует всегда и является необходимой формой существования человека, подобной виду у животных. Поэтому «этничность всегда, хотя бы незримо, присутствует в любой деятельности человека, даже если он этого не осознает или активно не желает» [2, с. 9]. Интересным вариантом информационной интерпретации этноса и этничности является *«теория габитуса»* французского социолога П. Бурдьё. Габитусы – это «системы длительных, транспортабельных предрасположений», которые порождают и организуют практики и представления. Габитус – своеобразная программа (в информационном смысле), включающая практику и предшествующих поколений, и ныне живущих поколений, которая «работает» и на уровне индивидуума, и на уровне класса, группы, в частности, этнической. В основе действия габитусов –

своеобразное «опривычивание». Причем, если говорить об этнической идентичности, то через габитусы стереотипы, предубеждения и другие ее компоненты *наследуются*, а частично *конструируются*. Согласно концепции Бурдьё, «наши габитусы направляют наши мотивации и поведение согласно выработанным в течение тысячелетий предрасположенностям (диспозициям). Таким образом, этничность существует как своего рода передаваемая от поколения к поколению привычка, от которой мы не в состоянии отказаться, но в которую мы можем вносить модификации» [6, с. 19].

В то же время ещё в конце 70-х годов польский исследователь А. Посерн-Зелиньский утверждал, что этничность не должна отождествляться с этнической идентичностью и этнической группой, так как это искажает её подлинное место и роль в социуме. С его точки зрения, дефиниция этничности «должна учитывать оба эти аспекта, раскрывая связь этнически обусловленных поведенческих действий с их культурными образцами и символикой, идущими от культурного наследия. Именно таким образом понимаемая этничность будет проявляться не только посредством форм организованной жизни отдельных этнических общностей (например, через принадлежность верующих к своему приходу), но также в формах, труднодоступных для постороннего наблюдателя, например в случайных актах этнической солидарности, в специфике культурных интересов или в формах психологической связи с кругом лиц одинакового происхождения» [18, s. 7].

Подытоживая эти позиции и возвращаясь к проблеме этничности в жизненном пространстве мегаполиса, предположим, что речь может идти об этничности как *особой форме существования этноса*. Это становится, на наш взгляд, очевидно, когда мы обращаемся к ситуации «включения» мигрантов в новую для них поликультурную и полиэтничную среду мегаполиса. Главным, на наш взгляд, является то, что «этническая составляющая» личности никуда не исчезает, в новых социокультурных условиях она видоизменяется, трансформируется, приобретает новые модификации, но продолжает служить важнейшим фактором её этносоциализации, своеобразно «окрашивая» её деятельностные проявления.

Важнейшим условием изучения этих проявлений, на наш взгляд, является обращение к другой, обычно не рассматриваемой этнологами подробно, «ипостаси» этничности – *культурной*. Речь идет о том, что *этничность* может быть интерпретирована

не только как свойство личности или группы (что и было традиционно предметом этнологических дискуссий об этнической идентичности), но как *интегративное свойство культуры*, проявляющееся во всех ее спецификациях и на всех уровнях. Именно здесь она обретает вполне «измеряемые» параметры, находит свою реализацию, выявляет свои функции. «Этничность», пишет Н.И. Величко, – являясь универсальным и интегративным свойством культуры, при этом всегда конкретна, выражается в этнически определённых языке, специфической системе жизнеобеспечения, ритуально-обрядовой системе, этнической картине мира, духовной и художественно-эстетической культуре, стереотипе поведения, соционормативных принципах. Этничность культуры может быть также определена как одна из форм презентации этноса в современном обществе» [5, с. 4].

Особое значение здесь, на наш взгляд, приобретает понимание феномена города, городской среды. «Городская жизнь», писала известный отечественный социолог Т.М. Дридзе, – это не фестивали с фейерверками и не карнавалы; не супермаркеты и рестораны, и не закрытые вечерние приемы. Это даже не красивые и суетные главные улицы городского центра. Город – это прежде всего особым образом организованное, обитаемое жизненное пространство – время. Оно создается деятельностью людей, ментальность, культура, биографии, жизненные стратегии и повседневные запросы которых и составляют собственно социальную «подоснову» сотворения рукотворных городских ландшафтов» [9, с. 97]. Жизненное пространство современного мегаполиса представляет собой сложноорганизованную культурную среду, которую отличают плюралистичность, «наличие диалога пространств культуры, их объединения или пересечения в субъектах культуры, его составляющих» [4, с. 12].

В последнее время особое внимание исследователями уделяется анализу отличительных особенностей мегаполиса, городскому «ландшафту», в котором осуществляется жизнедеятельность его жителей. С *философской точки зрения* особое внимание заслуживает экзистенциально-антропологический статус городского человека. Так, по замечанию Л.М. Газнюк, в мегаполисе «экзистенциально-антропологический статус человека формируется в ситуации одиночества, равнодушия, анонимности, высокого темпа жизни и недостижимых в глубинке возможностей, которые видны всем, но при этом для большинства наблюдателей

не могут быть реализованы; переполненность или излишняя пустота тех или иных городских пространств делает поиск идентичности еще более сложным и запутанным. Адаптация в пространстве мегаполиса и формирование экзистенциально-антропологического статуса усложнено рядом факторов, связанных со спецификой чрезвычайно динамичного жизненного уклада, сам темп которого является причиной периодических и хронических стрессов» [7].

В рамках *социобиологического подхода* урбанизация оценивается как мощный эволюционный фактор, влияющий на мир человека. «Городской мир» с необходимостью порождает городского человека. Урбанизированный человек, в свою очередь, склонен весь мир преобразовывать в город. Город – принципиально искусственная среда обитания, антропогенный ландшафт, в котором опредмечиваются культурные качества человека... Характерные особенности среды города – это высокая плотность населения (скупченность, перенаселение), максимальная концентрация объектов в пространстве (насыщенность вещной среды города), ускорение ряда повседневных процессов (высокий темп жизни в городе)» [8].

Есть все основания утверждать, что для мегаполиса характерно преобладание этничности не явно выраженной, ситуативной, фрагментарной, диффузной, презентационной. Мегаполис мультикультурен, полиэтничен, этничность населения здесь, очевидно, преобразуется (почти «снимается») универсальными надэтническими стилями поведения, городским образом жизни, её «нетеропливность» и «несуетливость» – стремительным темпоритмом городской жизни, её эстетика – постмодернистской безграничностью самовыражения, её самодостаточность – непрерывной изменчивостью, бесконечными трансформациями и гонкой за новизной. Такова *городская идентичность*, в которую очень трудно «вписаться» мигрантам, очень часто представляющим негородское неурбанизированное население, носителей традиционной этничности. «Городская идентичность, пишут А.В. Микляева и П.В. Румянцева, – это компонент социальной идентичности личности, социокультурный конструкт, формируемый в результате идентификации человека с конкретной городской общностью и определяемый усвоением и воспроизводством символического капитала города, социальных норм и стиля жизни, объединяющих жителей данного города» [11, с. 29]. Говоря об «истинной» (т.е. несубъективно воспринимаемой) городской идентич-

ности, английский исследователь Ричард Говерс определяет её как «совокупность всех уникальных характеристик и смыслов, которыми обладает город, и которые создают его культурной жизнью» [16, р. 52].

В современной научной литературе достаточно широко освещены основные проблемы миграции. В работах И.М. Кузнецова, А.Н. Гуляевой, О.И. Вендиной, В.М. Воронкова, Р.Р. Галлямова, Г.В. Градосельской, В.В. Раддаева, С. Олимова, Н. Челидзе и многих др. исследователей рассматриваются и вопросы социокультурной адаптации мигрантов, и основные стратегии их адаптации, и условий, причин и особенностей формирования этнических анклавов. Проведены ряд исследований зарубежного опыта, теории и практики аккультурации и мультикультурализма, значительно отличающихся от российского варианта.

В то же время до сих пор не было рассмотрения этих процессов в аспекте движения, трансформации *этничности*. Сложность, комплексный, отмеченный выше междисциплинарный характер проблемы, заставляет нас ограничиться лишь её постановкой и определением основных направлений исследования этого феномена. Такое исследование, на наш взгляд, должно иметь «двунаправленный» характер: с одной стороны, это изучение городской среды, формирующей феномен «городской идентичности», с другой – изучение особенностей миграционного антропотока, особенностей этнической идентичности мигрантов, во многом определяющей их жизненно ориентирующие ценностные установки.

Касаясь первого направления, отметим принципиальную важность сочетания «макро» и «микро» масштабов исследования. Интереснейший пример второго представлен в вышедшем в 2014 г. сборнике [12], авторы которого обращаются к жизни города, к исследованию его повседневности, её деталей и фрагментов, формирующих существенные стороны городской идентичности. Здесь собрана своеобразная мозаика «исследовательских подходов и сюжетов, пытающихся ухватить изменчивость, множественность и неоднозначность городской жизни. Это разнообразие объединяет микроурбанизм – подход, предполагающий «близкий взгляд» на город: возможность разглядеть его через мелочи и детали. С их помощью раскрывается насыщенная повседневность города и привлекается внимание к его главным действующим лицам – обывателям, которые своими повседневными действиями, чувствами, настроением создают город, его значимые места и марш-

руты» [3, с. 13]. Подобная методика использована Полом Менингом в статье [13].

Как известно, существует две основные модели адаптации мигрантов к новой для них социокультурной среде мегаполиса: «интеграционная», связанная с включением их этносоциальной структуры в мегаполисную мультиэтническую структуру; и «анклавизационная», выражающаяся в своеобразной «капсулизации» – автономном, практически, изолированном от основных городских структур и институтов существовании. [10]

Первая из них предполагает очевидную модификацию этничности – метаморфоза, с ней происходящая, выражается в её своеобразной «минимализации», сохраняющей ядро этнической идентичности – этническое самосознание, но «оптимизирующей» её структуру, вытесняя не вписывающиеся в городскую идентичность элементы. Так, например, при переселении значительного числа представителей мордвы в Москву, образовалась мордовская диаспора, в

основном сохранившая свою этническую идентичность, но хорошо вписавшаяся в городскую идентичность. Этничность здесь выражается в следовании некоторым этническим традициям мордвы – свадебной обрядности, традиционной кухни, традиционной медицине [1]. Вторая модель чаще всего приводит к социальной напряжённости и конфликтности.

С другой стороны, в практике урбанизации жизненного пространства мегаполиса этничность способна трансформироваться в городскую «мультиэтническую» идентичность, где она в новых поколениях лишается исторических «корней», утрачивает своё ядро – этническое самосознание, фрагментируется, низводится до уровня отдельных ярких маркеров мультикультурности городской среды, становится по существу «квазиэтничностью». И это одно из последствий глобализации и торжества постмодернистского культурно-цивилизационного дискурса.

Список литературы:

- [1] Акимова З.И. Мордва в поликультурном пространстве московского мегаполиса: историко-этнографическое исследование / Автореф. дисс. ... доктора истор. наук. – Чебоксары, 2013. – 42 с.
- [2] Арутюнов С.А. Этничность – объективная реальность (отклик на статью С.В. Чешко) // Этнографическое обозрение. – 1995, № 5. – С. 7–10.
- [3] Бредникова О., Запорожец О. Микроурбанизм. Ловушка для города // Микроурбанизм. «Город в деталях» / Сб. статей; под отв. ред. О. Бредниковой, О. Запорожец. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – С. 13 – 39.
- [4] Букин А.Г. Культурное пространство и пространства культур (региональный аспект) / Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. – Чита, 2006. – 21 с.
- [5] Величко Н.И. Этничность как свойство культуры (на материале традиционной культуры восточных хантов) / Автореф. дисс. ... канд. культурологии. – СПб., 2011. – С. 4.
- [6] Винер Б.Е. Этничность: в поисках парадигмы изучения // Этнографическое обозрение. – 1998, № 4. – С. 3–26.
- [7] Газнюк А.М. Экзистенциально антропологический статус человека в мегаполисе // Научный результат. Сетевой научно-практический журнал. Серия: Социальные и гуманитарные исследования. – 2015, №3. – Интернет-ресурс. режим доступа: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/14452/1/Gaznuk_Ekzistentzialno_15.pdf
- [8] Горнова Г.В. HOMO URBANUS: социобиологический аспект // Теория и практика общественного развития. – 2010, вып. 3. – Интернет-ресурс. режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/homourbanus-sotsiobiologicheskij-aspekt>
- [9] Дридзе Т.М. Социальная диагностика в градостроительстве // Социологические исследования. – 1998, № 2. – С. 94–98.
- [10] Кузнецов И.М. Адаптационные стратегии мигрантов в условиях мегаполиса (на примере г. Москвы) / Автореф. дисс. ... канд. социол. н. – М., 2006. – 27 с.
- [11] Микляева А.В., Румянцева П. В. Городская идентичность жителя современного мегаполиса: ресурс личного благополучия или зона повышенного риска. – СПб., 2011. – С. 160.
- [12] Микроурбанизм. «Город в деталях» / Сб. статей; под отв. ред. О. Бредниковой, О. Запорожец. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 352 с.
- [13] Менинг П. Теория «периферийного кафе: «Воды Лагидзе» и периферийная городская модерність / Пер. с английского // Антропологический форум. – 2010, № 2. – С. 272–295.
- [14] Рыбаков С.Е. К вопросу об этническом феномене // Мониторинг общественного мнения. – 2012, № 2 (108). – С. 147–156.
- [15] Berger G. Opinions and facts // Interdisciplinary Problems of Teaching and Research in Universities. – Paris: OECD, 1972. – P. 23–75.
- [16] Govers R., Go F. Place Branding. Glocal, Virtual and Physical Identities, Constructed, Imagined and Experienced. – L.: Palgrave Macmillan, 2009. – 269 p.
- [17] Meeth L.R. Interdisciplinary Studies: Integration of Knowledge and Experience // Change. – 1978, vol. 10. – P. 6–9.
- [18] Posern-Zieliriski A. Koncepcje etniczności w amerykańskich studiach etnicznych // Lud. – 1979, т. 63. – S. 3–4.